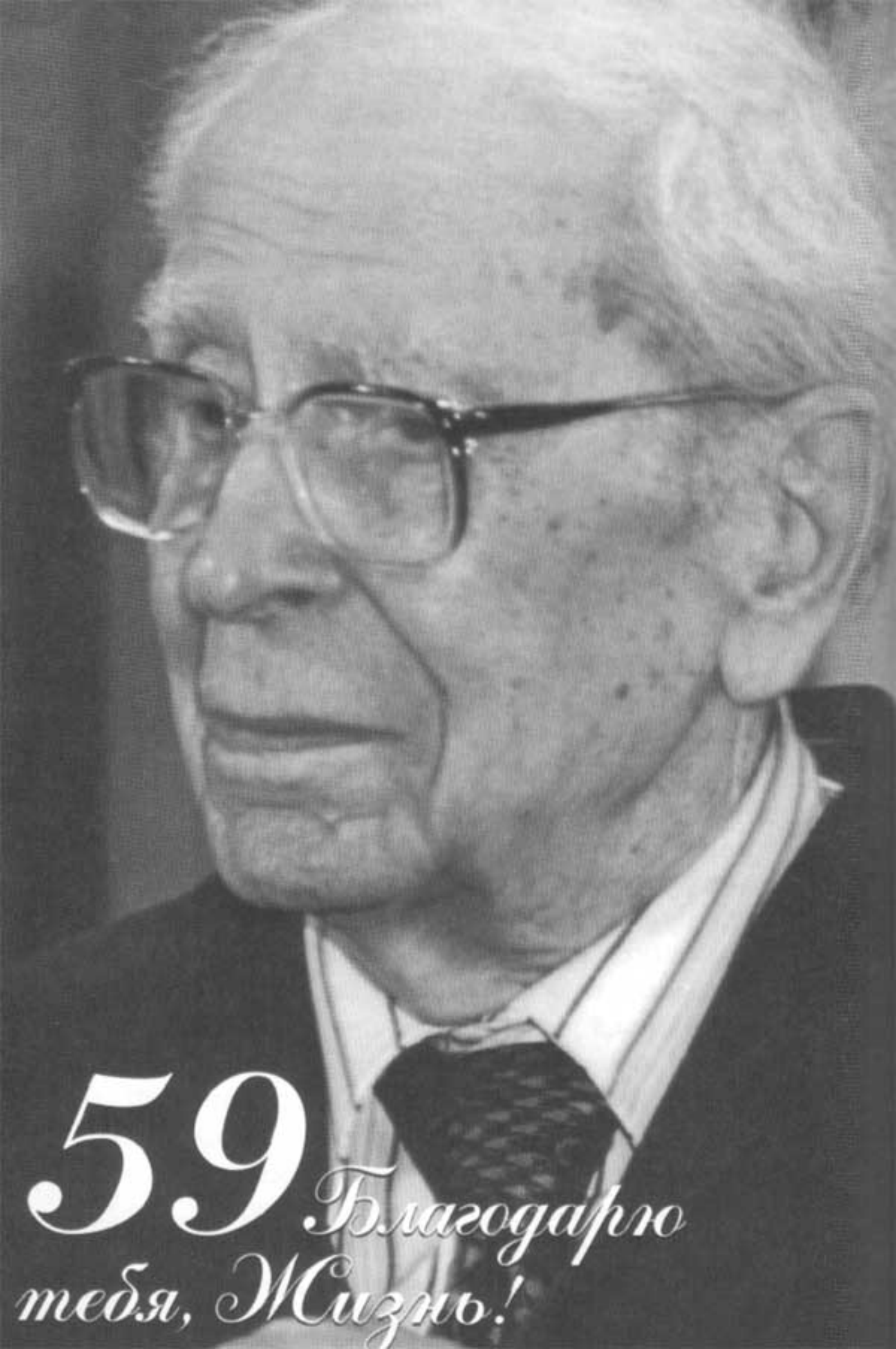

59 *Благодарю
тебя, Жизнь!*

Коран: «Обязательно посади дерево, — даже если завтра придет конец света». Жить и нравственном отношении надо так, как если бы ты должен был умереть сегодня, а работать так, как если бы ты был бессмертен.

Предсказания и предвидения в науке и пророчества не так далеки друг от друга: и те, и другие не суть утверждения неизбежности, а прогнозы на данный момент и в данных условиях. Неизбежность всегда разрушительна для морали. Человек способен в той или иной мере изменять будущее — хотя бы свое.

Когда святого Гонзаго, римского семинариста, спросили во время его игры в мяч со своими сверстниками: что бы он делал, если бы ему сказали твердо, что сейчас наступит конец мира, — он сказал: «Продолжал бы играть в мяч». Но это, конечно, в случае полной неизбежности. А настоящий ответ его перед своею совестью, когда он что-то мог изменить, был другой, — он был дан его смертью: он скончался 23 лет, ухаживая за чумными больными.

Счастье может быть только боевое — только завоеванное нами. Вечного, постоянного счастья не бывает. Нельзя быть счастливым, когда есть страдающие. Но

можно быть счастливым чем-то, что сейчас добыто, получено.

Диктор телевидения в одной из передач останавливал людей на улице и спрашивал: в чем, по-вашему, состоит счастье? В ответ миллионы людей слушали детский лепет. Что-то вроде того: «Счастье — это когда дома достаток и на службе хорошо», или: «Счастье — это когда мои девочки подрастут красивыми, здоровыми и хорошо выйдут замуж». Это все мещанство. И даже когда большие люди твердили — «Это гармония между чем-то и чем-то» — недалеко ушли.

Счастливым можно быть только короткий, промежуток времени чем-то достигнутым, а после начинаются новые заботы, ибо, повторяю, нет счастья ни для кого, пока есть несчастье рядом.

Жизнь была бы неполна, если бы в ней совсем не было печали и горя. Жестоко так думать, но это так.

Я думаю, что, достигнув восьмидесяти лет, человек должен поблагодарить Жизнь. У меня во всяком случае есть за что ее благодарить, И за счастливое детство, и за хорошую школу с хорошими учителями. И за мою родительскую семью, заботившуюся о нас — детях. И за то, что казалось мне несчастьем, но что принесло мне много житейского опыта и в конечном счете избавило от худших несчастий 30-х годов. И за работу корректором — особенно в издательстве Академии наук, где я обрел и свою семью — верную и заботливую жену, давшую мне двух любимых детей.

И Пушкинский Дом, в который я впервые пришел заниматься в 1927 году.

Сколько было хорошего при всем бессильном стремлении многих и многих причинить мне дурное!

Жизнь! А в какое необыкновенное время я «посетил» (Тютчев) свою страну.

Я застал все роковые ее годы, видел множество людей всех возрастов, всех социальных слоев, всех степеней образования, всех психологических типов: и тех, кого мог бы назвать святыми, и тех, хуже которых трудно себе представить: прямых убийц тысяч и тысяч людей.

Я видел и вершителей судеб, и их жертв. И жизнь повела меня по путям, которые шли ближе к жертвам, чем к их губителям.

Что-то я смог сделать хорошее другим. Что-то я смог; сделать и для Древней Руси.

В чем-то осуществились мои мечты. Многие еще осуществятся в будущем.

Благодарю тебя, Жизнь!

